

Годвин Судёновца

По рассказу Л. ПАНТЕЛЕЕВА „ПАКЕТ“
Художник Б. ГУЩИН

Нет, дорогие товарищи, героического момента в моей жизни я не припомню. Жизнь моя довольно обыкновенная, серая. В детстве я был пастухом у помещика, потом я работал плотницкую работу. Потом меня взяли во флот. Потом революция. Потом воевал, конечно. Потом учили меня читать и писать.

Нет, не было ничего героического. А вот один совсем небольшой, пустяковый случай, как я в гражданскую войну на фронте засыпался, — я вам расскажу.

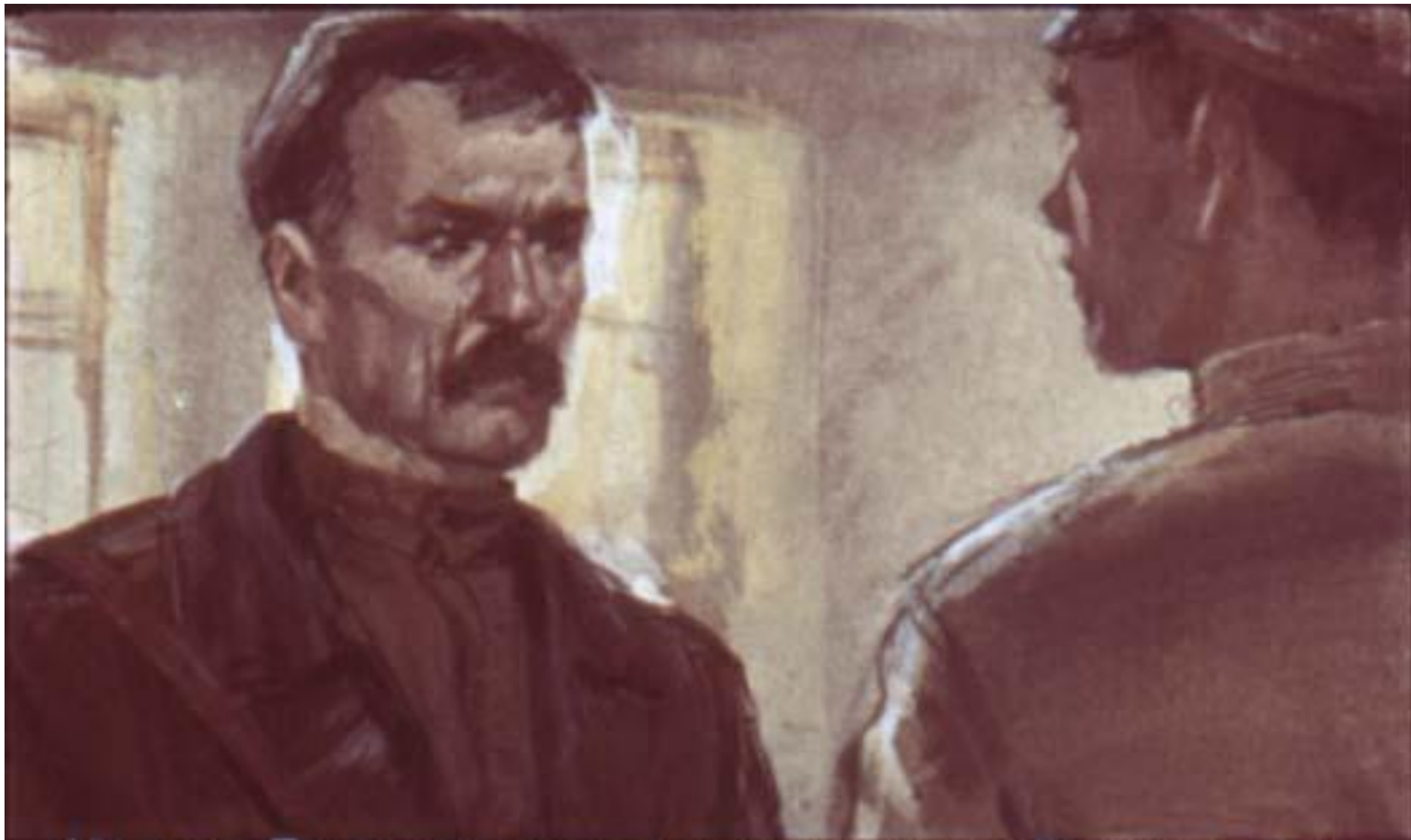
Состоял я тогда в бойцах будёновской армии при особом отряде товарища Заварухина. Дело было у нас плоховато — слева Шнуро теснит, справа — Мамонтов.

Вызвал меня в штаб товарищ Заварухин. — „Вот, — говорит, — Трофимов... Есть у меня и тебе великое дело. Дай мне, пожалуйста, слово, что умрёшь, если нужно, во имя революции“.

Встал я, на блуном притопнул. — „Есть, — говорю. — Умру“. — Вынимает товарищ Заварухин из ящика пакет. — „Сначи, — говорит, — до Лугансна к товарищу Будённому. Передашь сей пакет лично ему.

Но знай, Трофимов, опасное твоё поручение. Возможно, что хватит тебя белогвардейская пуля, а то и живого возьмут. Знай, в пакете важнейшие сведения. Уничтожишь его в крайнем случае".

– Есть, – говорю, – не отдам панета. Сгорю вместе с ним. – Взял пакет, пощупал сургучовые печати, за пазуху под ремень су-
нул. – „Прощай, комиссар!“ – „Прощай, – говорит, – Трофимов.
Живой возвращайся“.

Выбрал я лучшего коня и полетел. Несёмся мы — в ушах жужжит. Что ни минута — верста.

Вдруг, понимаете, река неожиданно. Ф-у, говорю, — несчастье
наное! Ну, Воронок, ныряй в воду. Конь не сдвинулся с ме-
ста. Обозлился я тут, дуран, как ударил в бока... Подсночил
Воронок и ринулся в самую глубину.

Уж не знаю, нан я успел стремяна скинуть. Только вынырнул я - вижу: один пльву. А рядом, в двух саженьях круги колы-
хаются. Ох, пожалел я ноня!

Вылез, течёт с меня, как с утопленника. Пошёл по тропиночке, на горку взбираюсь. Вдруг вижу: навстречу – конный разъезд. Сразу я догадался, что за разъезд.

Бросился я в кусты. Вынул браунинг и руками — за пазуху, где секретный панет. А пакета нема. Нету!.. А уж кони несутся, уж слышу: „Гей! Стой!“

Окружили меня, нинулись. Ну, я показал им, как в нашей деревне дерутся. Один – получай в зубы, другой – в ухо, а третий... третий меня по башке стукнул. Упал я, память потерял. [18]

Привели меня в чувство – и прямо в штаб к белым. Стою в тёмных сенях, пока дежурному доложат, себя незаметно ощупываю, пакет ищу. Нет пакета. Ну, думаю, может так лучше. Всё-таки пакет к белым не попадёт.

Постоял немного и говорю конвоирам: „Земляки, войдите в моё положение, невозможно сапоги жмут. Разрешите перед смертью переобуться“. – „Вали, скидывай“, – буркнул молодой казачок.

Стянул я сапоги. До чего легко стало. Снял портянку. И вдруг – что такое? Что-то лишнее. Панет! Весь мятый, как тряпка. А тут в дверь кричат: пленного! Что будешь делать? Бросить под лавку – найдут. Я сномнал его и незаметно – в карман. [10]

Только стали меня допрашивать, на моё счастье, вбегают офицер и кричит: „Господа, генерал едет!“ – Всночили тут все. Шум поднялся: немедленно выставить караул! Встречать атамана!

А я остался с молодым казаном. Вот, думаю, последняя загадка: как панет уничтожить? Фу, думаю, об чём разговор? Съем, и всё тут. Сунул я его целином в рот, еле губы захлопнул. [16]

Тут распахнулись двери и вваливается орава. Впереди генерал. А это, говорит, кто такой? А это, говорят, пленный, ваше превосходительство. Генерал зубами лязгнул: „Ага, ангел мой, попался?!“

Сел на стул. Допрашивает: „Если ты мне сейчас не сообщишь название части, количество штыков и где помещается штаб, — и стенке. Понял?“ — Я всё молчу. Об одном думаю, как бы мне мёртвому рот не разинуть.

– Нет, – говорит генерал, – это из тех комиссаринов, которые в молчанку играют. Такой скорее себе язык откусит. А впрочем... попробуйте его шомполами. Только не до смерти бейте. Нужно сперва допросить, – расстрелять его всегда успеем. 31

Бьют меня шомполами, не жалеючи, по спине, и пониже, и по чём попало. Больно. Но я зубы плотнее сжал, только бы, думаю, не занричать. Панет у меня совсем размяк, и я его потихоньку глотаю.

– „Эй, – кричит офицер, – может, он и в самом деле себе язык откусил?.. Будешь ты мне отвечать или нет?!“ – А я тут, дуран, и ответил. – „Нет!“ – говорю. И что-то такое при этом у меня изо рта шмякнулось на пол.

Посмотрел один назан и говорит: „Ваше благородие, язык у него изо рта выпал“. – Испугались бандиты. Вот им от генерала попадёт! Дёрнулся и я. Неужели, думаю, вместе с пакетом язык свой сжевал...

Проглотил я скорее всё, что у меня во рту было, схватил язычок с пола – и в рот. И чуть зубы не обломал. Понимаете, это сургучовая печать товарища Заварухина. Разломал я зубами её и незаметно проглотил.

Повели меня срочно в больницу. — „Может быть, — говорит офицер, — с ним ещё что-нибудь можно сделать. Может, пришить язык можно“.

Посмотрел донтор у меня во рту, поковырялся. — „Да нет, — говорит, — язык на месте, только синий, да дёсны распухли“. — „Нак? — говорит офицер. — Вы ошибаетесь. Я же сам видел, как он его кусал“.

— „Тогда посмотрите“, — говорит доктор. Посмотрел офицер — глаза у него на нос полезли. — „Тьфу, — говорит, — значит, он меня обманул? Значит, ты, негодяй, говорить можешь?!“ [38]

– Вы, господин донтор, пожалуйста, приведите в порядок этого субъекта, а после пришлёте в штаб. Перед расстрелом его ещё допросить нужно.

– А вы, братцы, покар Аульте пленного. Филатов останется здесь, а Зынов (это тот, который мне переобуться разрешил) – наружная охрана. После, Зынов, приведёшь его в штаб. [30]

Подцепил свою саблю и поснакал. А за ним и Зыков в сени бежит. И там, в сенях, кто-то вдруг как заорёт: „А-ах!..“ – „Что? Что такое?“ – говорит доктор. А оттуда Зыков кричит: „Не извольте беспокоиться, это их благородие споткнулись“.

Полечил меня малость донтор, дал пирамидону, и повёл меня Зынов. Только вижу совсем мы не к штабу идём, а куда-то совсем обратно. „Что, – думаю, – за дьявол! Нуда это мы идём?“ – И только я это подумал...

Вижу, идёт нам навстречу какой-то старый генерал. — „Нуда?“ — говорит. Сделал Зынов стойку и отвечает: „Пленного большевика к исполнению веду“. — „В расход?“ — „Так точно, в расход“. — „Ну, — говорит генерал, — смотри не промахнись!“

И пошли мы дальше. И прямо скажу, не хотелось идти. Нет, не хотелось (ноги не хотели идти). Никогда мне, товарищи, не забыть, как я тогда шёл, что думал и что передумал. Да, тяжело, думаю, Петя Трофимов, помирать не в своей губернии. Хотя, какая у меня, и чёрту, губерния? Отец у меня в одном месте зарыт, мать — в другом. Только и остались у меня боевые товарищи. Да вот загадна: высночат ли они из ловушки? И, может быть, это из-за меня, это я всё дело смазал?

Спустились мы н оврагу. Вдруг Зыков останавливается! — „А ну, — говорит, — стой! — Вынимает из-за пазухи что-то неясное. — На, — говорит, — прищпиливай“. — Стою я как дурак, ничего не понимаю.

– „Чумовой, – говорит, – скорей, пока нас не засыпали. – И сам ловко прищипил булавками золотые погоны. – А теперича, – говорит, – бежим“. – „Нуда?“ – говорю. – „Ясное дело нуда, к Будённому“.

Ох, товарищи!.. Сел я на землю и встать не могу, чуть не заплакал. – „Браток, – говорю, – Зыков! Неужели свой?..“ – „Свой, – говорит. – Вставай, бежим к Будённому“. – „Погоди, – говорю, – не могу. У меня в животе каная-то гадость начинается“. [37]

И в самом деле, такая боль, что сназать не могу. Фу, думаю, от пули спасся, а тут от такой гадости помирать. Встаю через силу и падаю снова. — „Значит, — говорю, — давай попрощаемся, товарищ Зынов“.

А он ничего не сказал, кладёт меня, как мешок, на плечо и шагает в кусты. А потом так припустил, что минут через десять мы были уже в лесу.

Присел Зынов передохнуть. И у меня в животе легче стало. Рассказал мне Зынов, как его белые насильно забрали в на-зани, дали ружьё и велели стрелять в большевинов. — „И ты стрелял?“ — „Нет, — говорит, — одного только прикладом. И тот — наш офицер“.

– Пока, – говорит, – ты у доктора пирамидон нушал, я его в сенях прикладом... и под лавну зачихнул. В этих же сенях, между прочим, и погончини тебе раздобыл. – Ведь вы подумайте, какой Зынов ловкий парень!

Собрались мы дальше идти, смотрим: прямо на нас конный разъезд несётся. — „Тинай!“ — говорит Зыков. Посканали мы, как орловские рысани. Сзади в нас из бердана пуляют: бум! Бах! Трах!

Вдруг Зынов крикнул: „Ай!“—и прямо навзничь. Щена у него в крови.—„Зынов!—кричу.—Вставай!“—А он не шевелится. Хватаю его тогда за плечо, но тут над головой...—„Стой! Руни кверху!“

Поднимаю голову...мать честная! Вижу на фуражках красно-армейские звёзды. — „Товарищи! — говорю. — Зачем? Ведь вы же в своих стреляли“. — „Брось, — говорят, — не вкручивай. У наших погоны не блестят“. — И велел взводный вести нас в Бандурово до комиссара.

Уже темно стало, когда мы в Бандурово въехали. Долго чего-то комиссару докладывали. Потом отворяются двери, и из дома кричат: „Пленных!..“ – Это я-то пленный! Подумайте только: будёновец и Будённому в плен попал.

Привели к комиссару. Стал я рассказывать, как секретный панет и товарищу Будённому вёз, как пришлось его съесть вместе с сургучом. Не верят, понимаете, ни одному моему слову не верят!

– Заливает, товарищ комиссар. С мамонтовской дивизии чистокровный разведчик. Вот документики. И кладут перед ним зыковский военный билет.

Ну, время тогда, сами знаете, какое было. Рассусоливать некогда было. Пошептались ребята, подумали и написали: „Трофимова Петра, неприятельского разведчика и шпиона, расстрелять“.

Привели меня во двор и велели вставать к стенке. — „Подождите, — говорю, — разденусь. Я вам свои сапоги отдам“. — „Не надо, — говорят, — не желаем английских сапог“. — „Дурни вы, — говорю, — это ж московские. Это фабрика „Богатырь“.

Нидаю им сапоги, разматываю портянку. И – что вы думаете? Ну, этого мне не забыть! В моей изодранной портянке клочок бумаги, и что-то на нём написано.

Я говорю: „Ну-на, ребята, я неграмотный, прочтите, чего тут написано“. – „Чего нам читать, нечего нам читать. Вставай к стенке!“ – Я говорю: „Успею я к стенке. Прочтите, может быть, тут важное сказано“.

Позвали комиссара. Берёт он рваную мою бумажку и, помню, читает: „...ну Михайловичу Будённому... ..арму первой конной...“
Ну, тут что было, можно и не говорить!

Комиссар за голову схватился. — „Что это?“ — говорит. — „Это от пакета осталось, который я вёз к Будённому. А остальное, — говорю, — я сшамал“. — „Приговор отменяется! — кричит комиссар. — Скорее его в Луганск, до штаба Будённого“.

Через пять минут у ворот тачанна гремит. Меня положили в тачанку. Сеном всего обклали. — „Послушайте, — говорю, — и Зынова тоже положьте“. — И Зынова положили рядом со мной. Тут я призанрыл глаза и память потерял.

Очнулся я в лазарете. — „Не двигайся, пожалуйста, — говорит доктор. — У тебя в желудке только что нашли сургуч, чернила и ещё кое-что“. — „А бумагу, — говорю, — нашли? Разобрали, что написано?“ — Я вдруг ослаб и задремал.

Вышел я из лазарета через две недели и поехал обратно в дивизию. А под самый Новый год мне из Москвы подарок — орден Красного Знамени. И за что только, вы подумайте? [16]

Конец

Сценарий Е. Навтиашвили
Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор А. Морозов

Д-2Ю-68

Студия „Диафильм“, 1968 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Чёрно-белый 0-20. Цветной 0-30